

Гу Чуньлай взглянул на часы — было чуть больше трёх утра. Возвращаться в спальный мешок уже не имело смысла. Рядом Бай Яньнань всё ещё крепко спал, и любое резкое движение могло бы разбудить его. Поэтому Гу Чуньлай осторожно выбрался из мешка, надел тёплую куртку и вышел из тесной палатки.

Предыдущая группа участников тоже только что покинула лагерь. Увидев его, они пошутили, что раз он проснулся, то мог бы присмотреть за костром, чтобы они могли поспать ещё. Гу Чуньлай не возражал, лишь улыбнулся и сказал, что немного прогуляется, а потом вернётся и сменит их.

Он не виделся с Сяо Жофэем уже почти сорок часов. Всё это время они либо готовились к поездке, либо были в пути, и вокруг было слишком много глаз. Было бы странно сидеть с телефоном, то хмурясь, то улыбаясь, поэтому у него не было возможности поговорить с Сяо Жофэем. Его «цветная бабочка» тоже всё это время молчала.

Их разговор прервался в тот день, когда Сяо Жофэй отправился к Сачи. Гу Чуньлай, глядя на аватарку Сяо Жофэя с изображением аппетитного сукияки, набрал несколько слов: «Это место выглядит неплохо, давай как-нибудь сходим туда вместе», — но потом стёр их.

Он понимал, что если будет притворяться, будто ничего не произошло, они смогут оставаться влюблённой парой, живущей в стеклянном снежном шаре, говорить сладкие слова и делать вид, что между ними нет никаких преград. Но как только они снова касались подобных тем, ссоры неизбежно возникали снова и снова, пока одна из сторон не оказывалась полностью истощена, не теряла терпение и не сдавалась.

Могли ли такие отношения продлиться всю жизнь?

Гу Чуньлай убрал телефон в карман, засунул руки в куртку и направился в сторону, где не было людей.

Лагерь участников находился у подножия горы Линшань. С одной стороны была ровная открытая местность, а с другой — нагромождение горных хребтов. В последние дни погода была приятной, солнечной. Ночью было холодно, но вокруг царили темнота и тишина, только редкие сосны с их тенями, укрытые лёгким снегом, и тёплые жёлтые палатки напоминали рождественские украшения, словно мир был полон радости и покоя.

Он нашёл чистый камень, сел на землю и поднял голову. На небе висели облака, похожие на рыбу чешую, а вокруг полумесяца светился медный ореол. Он машинально сделал снимок, хотел отправить его Сяо Жофэю, но такая легкомысленная и неясная вещь показалась ему слишком невежливой. Гу Чуньлай тяжело вздохнул, снял перчатки и достал из кармана куртки сигарету.

Ещё не успел развернуть её, как услышал знакомый голос сзади:

— Я думал, ты уже бросил.

Голубоватое пламя зажглось перед его глазами.

Гу Чуньлай не удивился. Он оторвал фильтр, развернул бумагу, раздавил табак и, не глядя, протянул его к человеку с зажигалкой:

— Да, я бросил десять лет назад.

— Но ты всё равно носишь сигареты с собой, — сказал тот, убирая огонь и приюхиваясь к руке Гу Чуньлая. — Чёрт, этот запах...

— Духи Жофэй очень похожи на этот табак, — наконец обернувшись, он посмотрел собеседнику в глаза. — Яньнань, ты не помнишь?

Бай Яньнань махнул рукой, хлопнул Гу Чуньлая по плечу, и тот подвинулся, освобождая место на камне. Камень был небольшим, и им пришлось сесть близко друг к другу, чтобы уместиться. Бай Яньнань последовал взгляду Гу Чуньлая на небо, глядя на одинокую луну, и сказал:

— Пора возвращаться. Если затянем смену, это будет некрасиво.

— Не волнуйся, я поставил будильник, — Гу Чуньлай потянулся и продолжил:

— Я разбудил тебя?

— Нет, в таком месте трудно спать спокойно, — Бай Яньнань посмотрел на Гу Чуньлая и спросил:

— У тебя с твоим парнем всё в порядке?

Гу Чуньлай промычал что-то, уткнувшись носом в табак, и чуть не закашлялся.

— Твой парень довольно известен, все, кто с ним был, говорят, что он хорош, — заметив косой взгляд Гу Чуньлая, Бай Яньнань поднял бровь, придвинулся ближе и тихо сказал:

— Что, он тебе об этом не рассказывал?

Гу Чуньлай оставался невозмутимым:

— Раньше он мог спать с кем угодно, мне всё равно. Если я захочу узнать, спрошу его сам.

Бай Яньнань цокнул языком:

— Эх, как скучно, я пытаюсь подколоть тебя, а ты не реагируешь. Так в шоу не выживешь.

Гу Чуньлай не отставал:

— А ты на шоу обсуждаешь интимные темы и своих парней?

Бай Яньнань, видя его реакцию, сдался:

— Да ладно тебе, не будь таким серьёзным. Ладно, ладно, между нами ничего не было, мы даже не целовались, ты доволен?

Гу Чуньлай, подперев щеку, долго колебался, а затем сказал:

— Жофэй говорил, что ты его поцеловал, когда он болел.

Бай Яньнань посмотрел на него пару секунд, затем указал на него пальцем и засмеялся.

— Ну что ж, раз ты не веришь, то вот: мы ходили на свидания, обнимались, он видел меня голым. Что, он тебе об этом не рассказывал?

Он придвинулся ближе, и его голос, наполненный желанием, прошептал на ухо Гу Чуньлаю:

— А ты говоришь, что тебе всё равно, но на самом деле ты зеленеешь от ревности.

Гу Чуньлай не ответил. Его грудь словно кто-то щёлкнул резинкой, оставив на ней крошечный красный след.

— Чуньлай, ты действительно мастер на все руки, особенно в том, чтобы выводить людей из себя. Можешь быть ещё более лицемерным? — голос Бай Яньнаня дрогнул, но оставался спокойным. — Когда мы с Жофэем объявили, что мы вместе, ты знаешь, каким был твой взгляд? Жофэй этого не заметил, но я чувствовал... ты мне завидовал.

Зависть. Да, Гу Чуньлай понимал, что, конечно, завидовал этому человеку. С того момента, как тот выбрал кровать напротив его, и до сегодняшнего дня. Бай Яньнань был здоров, у него была крепкая семья, он смотрел только вперёд, без колебаний преследовал свои цели, не боялся рисковать и не переживал о потерях. Он был настоящим «идеальным ребёнком», и Гу Чуньлай, сколько бы ни старался, никогда не смог бы достичь его уровня.

И этот человек был бывшим парнем его нынешнего возлюбленного. Гу Чуньлай прекрасно помнил, как тяжело было в тот день, когда они расстались после выпуска.

— Но знаешь... у меня для тебя хорошая новость. Он на самом деле меня не любил, я просто хотел его удержать. Когда мы были вместе, он никогда не целовал меня и не обнимал по своей инициативе. Накануне выпуска я хотел заняться с ним сексом на прощание, раздеться перед ним. И знаешь, что он сделал?

Бай Яньнань, словно только что вынырнувший из глубины, резко вдохнул:

— Он накинул на меня одежду и сказал, чтобы я не замёрз... Сяо Жофэй, чёрт возьми, сказал мне не замёрзнуть!

Гу Чуньлай удивился.

— Как так? Он был очень расстроен, когда вы расстались.

— Знаешь почему? Потому что я сорвал маску, которую мы носили десять месяцев. Я сказал ему...

Бай Яньнань, глядя на недоумевающее лицо Гу Чуньлая, вдруг замолчал.

— Ладно, это не мне тебе рассказывать. Спроси его сам. Это ваши отношения, какое мне до этого дело?

Спросить его? Стоит ли ворошить прошлое, срывать старые раны? Они уже вонзили ножи в грудь друг друга.

Раньше Гу Чуньлай хотел создать для Сяо Жофэя сказочный мир, хотел, чтобы тот был счастлив, боялся, что малейшее недовольство разрушит их отношения. Поэтому он избегал тем, которые могли бы стать препятствием, таких как прошлые отношения, свои проблемы и даже те случайные восемь лет.

Но если постоянно избегать теней и отдавать всю страсть, в конце концов можно обжечься от солнечного тепла.

После ссоры Гу Чуньлай понял, что его бегство и самоуверенность ранили любимого человека.

Он чуть не потерял Сяо Жофэя снова.

Когда Сяо Жофэй раскрыл своё прошлое, был откровенен, Гу Чуньлай притворился великодушным, сделал вид, что принимает всё, но на самом деле даже не посмотрел. Он не был безразличен, и его великодушие было лишь маской. Он боялся, что зависть и сожаления вырвутся наружу, и он покажет свою самую ужасную, отвратительную сторону, которая отпугнёт Сяо Жофэя.

Но это была его настоящая сущность, думал Гу Чуньлай. Если он не сможет быть честным, то как же он проведёт остаток жизни с любимым человеком, нося маску?

Он достал телефон и уставился на экран, где ярко светилось имя «Цветная бабочка».

Закончив оставлять сообщение Сяо Жофэю, он услышал звук будильника.

Гу Чуньлай вернулся в лагерь, но не увидел знакомого лица. Члены предыдущей группы, дежурившие у костра, сказали, что Бай Яньнань, страдая от головной боли, вернулся спать, и попросили его самого присмотреть за огнём. Гу Чуньлай не возражал, не стал будить Бай Яньнаня и в одиночестве следил за тёплым пламенем до самого утра, когда начался сбор.

Бай Яньнань был в той же одежде, его глаза слегка покраснели, но он улыбался, зевал и тер глаза, из которых выступило несколько слезинок. Он делал вид, будто ничего не произошло прошлой ночью, и вёл себя с Гу Чуньлаем как обычно, держа его перед камерой и не скрывая своего желания победить.

<http://bllate.org/book/15563/1415817>